

ДВА ДНЯ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА

Крепкий тыл – залог победы. Чествуя наших фронтовиков, прошедших в годы Великой Отечественной все тяготы и ужасы войны, добравшихся до Рейхстага и водрузивших на него Знамя Победы, мы никогда не забываем о том, что этот подвиг не был бы возможен без самоотверженности тыловиков. Женщины, старики, дети – все на равных работали под лозунгом «Все для фронта – все для Победы». Среди миллионов таких доблестных тружеников была и Анна Ефимовна ЧЕРНОВА (в девичестве Проскуракова), пришедшая на поля и заводы Сталинграда со школьной скамьи. Историю Анны Ефимовны для нашей Книги Памяти записала и рассказала ее 13-летняя правнучка Галина, дочь машиниста технологических компрессоров газового промысла № 15 Уренгойского газопромыслового управления Сергея БУНИНА.

75 ЛЕТ **ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ!**

Моя прабабушка родилась и жила в селе Гуселка Сталинградской области. Ей было всего 15 лет, когда пришла страшная весть о начале войны. Почти сразу ее старшие братья ушли на фронт воевать с захватчиками. Она вспоминает, как осенью 1941-го с окрестных земель стали выселять немцев Нижнего Поволжья. Тогда же для Анны Ефимовны начались тяжелые трудовые будни – ее вместе со сверстниками-школьниками отвезли собирать урожай в соседнюю деревню Норки. Целыми днями до самой глубокой осени она отвозила зерно от тракторов к току.

Вернувшись в родное село после страды, Анна Ефимовна вновь приступила к учебе. Но школьные занятия продолжались недолго... Весной 1942 года фашистские захватчики вплотную подошли к Сталинграду. Чтобы избежать окружения на участке Сталинград – Камышин, необходимо было срочно укреплять оборону. В районе села Нижняя Добринка бросили все силы на рытье противотанковых рвов и окопов для нашей пехоты. Все делали руками с помощью кирок и лопат, из механизации – только подводы с лошадьми, да и то не всегда. Моя баба Аня, несмотря на тяжелейшие условия труда, ненастную погоду, холод и дожди, работала наравне со взрослыми.

1947 год. Молодые годы...

Следующей задачей стало выравнивание площадки для взлета и посадки самолетов в районе села Мокрая Ольховка. Закапывали каждую бороздку, потом строили стоянки для самолетов. Для этого в соседнем лесу лопатой рубили пластины из земли в форме кирпичей и отвозили на тачке к площадке. Так для Анны Ефимовны прошло все лето.

К осени ее перебросили к аэродрому у села Лебяжье, где также требовались взлетно-посадочные полосы. Работники кололи молотком щебень из больших булыжников. Трудились только на открытом воздухе, даже когда выпал снег. В мороз, чтобы легче было расколоть камни, на них сначала подолгу сидели... Тяжелейшая работа закончилась, когда не осталось съестных припасов. Тружеников тыла отпустили домой.

Председатель колхоза, в котором трудилась бабушка, в отличие от соседских, не прислал подводу, и ей с девочками пришлось до своего села идти пешком. Добирались домой почти два дня. Эти два дня она запомнила на всю жизнь и рассказывала нам каждый раз, чтобы мы помнили...

– Сначала мы дошли от Лебяжьего до села Дворянского и от него уже пошли в гору в Гуселку. Моя подруга Нюра, с которой мы жили на квартире, сильно заболела: идет и падает, я поднимаю ее, и мы продолжаем путь. Когда девочки-спутницы обогнали нас, подруга и говорит: «Иди со всеми». А я не могу ее бросить. Как оставить человека на дороге? «Ну что же теперь, – отвечаю ей, – пропадать будем вместе».

И тут нас обгоняет подвода, груженная людьми. Едет на Смородино, отсюда в Гуселку есть дорога. А наши девочки решили пойти прямым путем, не сворачивая на Смородино. Наступает вечер, темнеет, поземка заметает следы, опускается туман. Нюра говорит: «Ты хоть след не теряй, будем идти, ползти как-то». Я покружилась и поняла, что след утерян, не могу сориентироваться, в какую сторону двигаться. Кругом степь: ни кусточка, ни деревца. Обнялись, заплакали. Ну что, гибель?»

Спаслись все же. На наши крики отозвались девочки, ушедшие вперед. Они укрылись в амбаре, в пяти километрах от нашей Гуселки. Кричат нам в ответ, а мы ползем на их зов... У самого амбара Нюра упала без сил, внутрь мы ее уже затаскивали. В том амбаре «протанцевали» всю ночь. Холодные и голодные, и так спать хотелось! Постоянно толкали друг друга, чтобы не уснуть. Из

Анна Ефимовна Чернова с правнучкой Галиной

одежды на мне была только фуфайка, юбчонка сатиновая, штаны фланелевые, да чулки шерстяные.

Утром опять накрыл туман, опять не видеть ничего. Одна идет, а за ней все в след, гуськом. В одну сторону – овраг, оступишься – улетишь. Решили вернуться в амбар. Потом слышим: собаки гайкают. Выскочили мы тогда на другую дорогу, которая через Смородино. Вижу – бежит ко мне Рая, фельдшером у нас работала. «Я есть хочу», – говорю ей. А она: «Мы уже пообедали, кто-то кусочек брал за пазуху, но уже стел»...

С ними была тетка, сестра матери. Она из-за пазухи достала кусочек пирога с тынковой. Я его как конфетку проглотила. Забрала у меня мешок с моими вещичками, говорит: «Иди, иди потихонечку... Вечером тебе сумку принесу». Вот и пошла я дальше. К четырем часам вечера только добралась до дома, на вторые сутки. Дома у печи скамья стояла широкая. Я села возле печки и подняться не могу. Меня раздели, сняли валенки полные снега. «Мамка, я есть хочу», – говорю. Она налила мне щей. Тогда на печи я три дня провалялась – все тело судорогой тянуло...

Весной 1943 года, когда фашистов погнало от Сталинграда, необходимо было восстанавливать работу городских заводов и фабрик. Практически всю молодежь области собрали и привезли в Сталинград, и моя бабушка не стала исключением. На заводе № 91 она трудилась в цеху, где на уцелевших станках производили посуду и бытовой инвентарь. Баба Аня по шаблону вырезала заготовки.

В конце 1943 года стране, измотанной войной, нужен был хлеб. Забота о будущем урожае целиком ложилась на плечи юных жителей сел нашей страны. Тракторы из Челябинска были готовы к посевной, и зимой сельчане, в их рядах и моя бабушка, начали обучение управлению рычагами доблестного ЧТЗ. Следующий посевной период баба Аня, несмотря на ее девичий хрупкий вид, упорно выполняла поставленный план. Часто прихо-